

Ю.В. ЛУНЕВА

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912–1913 годов И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ

В истории международных отношений XX в. Балканы представлены как конфликтный и проблемный регион. Югославский аналитик Ранко Петкович считает, что “балканизация – это состояние постоянного и непрерывного конфликта между балканскими государствами из-за территории”¹. Тяжелейший и пока еще не преодоленный кризис в Косово и вооруженное противостояние в Македонии – всего лишь отдельные потенциальные очаги на Балканах, которые остались от Балканских войн 1912–1913 гг.

Для великих европейских держав эти войны обернулись серией больших и малых международных кризисов 1912–1914 гг. Июльский кризис 1914 г. преодолеть мирным путем так и не удалось, и 1 августа 1914 г. началась Первая мировая война.

Одна из особенностей отечественной историографии Первой мировой войны состоит в том, что Балканский конфликт рассматривается в рамках подготовки европейских держав к войне, между тем он был самостоятельным проявлением кризиса международных отношений². Считая деление балканского конфликта на первую и вторую войны весьма условным, в данной статье мы остановимся на действиях России, направленных на возвращение в европейскую политику – после поражения в русско-японской войне – посредством опоры на пояс безопасности на Балканском полуострове.

Во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. и Балканских войн 1912–1913 гг. общественное мнение России высказывалось за активную поддержку славянских народов на Балканском полуострове, и это порой толкало правительство на не всегда продуманный путь во взаимоотношениях с европейскими державами.

В начале XX в. борьба за господство на Балканском полуострове развернулась между Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Тройственным соглашением (Великобритания, Франция, Россия). Она была обусловлена в первую очередь

Лулева Юлия Викторовна – кандидат исторических наук.

¹ *Petkovic R.* Effects of the Yugoslav Crisis upon the Balkan Situation. – CSS Survey, Belgrade, march 1996, p. 3.

² *Виноградов В.Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; *его же.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010; *Никитина Т.В.* Греция накануне первой мировой войны. Особенности внутривнутриполитического развития. М., 1984; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985; *Соколовская О.В.* Греция в годы первой мировой войны, 1914–1918 гг. М., 1990; *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903. М., 1996; *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; *Кузьмичёва Л.В.* Сербо-хорватские конфликты в XIX – начале XX в. – Межнациональные конфликты и способы их урегулирования. М., 2001; *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи (1801–1914). М., 2006; *Мирошниченко А.Е.* Балканский фактор европейской международно-политической системы и внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. Иркутск, 2006 (автореф. канд. дисс); *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008; *Вишняков Я.В.* Внеконституционные факторы в развитии сербской государственности. – *Славяноведение*, 2006, № 1, с. 15–21.

огромным экономическим и стратегическим значением Балкан. Национально-освободительное движение на полуострове под лозунгом “Балканы для балканских народов” не могло не привлечь внимания великих европейских держав, которые имели на Балканах собственные экспансионистские устремления. Каждая из балканских правящих групп провозглашала свой вариант – “Великая Сербия”, “Великая Болгария”, “Великая Греция”³.

Россия тоже преследовала свои цели. “В интересы России, – писал 23 августа 1912 г.⁴ российский военно-морской агент в Лондоне Н.Г. Рейн, – входит:

- а) Ослабление и ухудшение Турции до распада.
- б) Взаимное связывание других балканских государств.
- в) Всемерное ослабление Австрии нарочитой ссорой с Италией, Албанией, Сербией и т.п.
- г) Улучшение отношений Антанты с Италией, Грецией и принуждение других к дружбе.
- д) Владение Дарданеллами и Эгейским морем. Передовой опорный пункт – Крит.
- е) Поощрение русской морской торговли, особенно черноморской. Рынки – Турция (и Малая Азия), Греция, Красное море, Северная Африка.
- ж) В случае владения Эгейским морем содержание флота, равного 1,5 флотам Австрии и Греции”.

Относительно планов Австро-Венгрии Рейн писал, что она стремится “поглотить Сербию; владея Салониками, командовать Эгейском морем и всей торговлей (из Черного моря тоже); натравить болгар на Константинополь и Россию и, подогревая шовинизм болгар, ссорить оба государства”⁵.

В начале 1912 г. великие державы продолжали активно готовиться к европейской войне. 26 января Рейн сообщал начальнику Российского генерального штаба Я.Г. Жилинскому о своем разговоре с французским военным агентом в Лондоне, который сказал ему, что во Франции все более усиливается чувство ожидания войны с Германией. “Для германского дипломатического самолюбия был большим ударом проигрыш в Марокканском вопросе. Сухопутное и морское вооружение в Германии идет безостановочно, – писал Рейн и затем делал вывод: – Самое главное, Германия в настоящее время вполне осознала, что выступить против Англии она может не иначе, как через Францию”. “Для Германии, – рассуждал далее военный агент, – вполне выгодно начать войну этой зимой, до весны, пока бездорожье и оттепель будут задерживать мобилизацию российской армии. Германия ищет повод для столкновения с Англией, чтобы прекратить столь разорительную для нее гонку вооружений”⁶.

Острая борьба на Балканском полуострове происходила также между Англией и Германией за влияние в Греции, между Германией и Россией – за укрепление позиций в Румынии. Соперничество существовало и внутри обеих коалиций. Австро-Венгрия и Италия ожесточенно соперничали за господство в Албании, Франция и Россия – за хозяйничанье в Турции. На Балканах сталкивались и интересы европейского финансового капитала: в Греции – английского и французского, в Болгарии – германского, австрийского, французского и русского, в Сербии – французского и русского. Военные заказы балканских государств реализовывались и французской фирмой “Шнейдер-Крезе”, и германской фирмой Круппа.

В российских общественно-политических и дипломатических кругах идея создания союза балканских государств обсуждалась в связи с возможной угрозой силового

³ *Гешов И.Е.* Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915.

⁴ Все даты в статье даны по новому стилю.

⁵ Цит. по: *Айрапетян М.Э., Могилевич А.А.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940, с. 98.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 2000, оп. 1, д. 7255, л. 7.

дисбаланса на Балканах и Ближнем Востоке в пользу Центральных держав⁷. В 1911 г. под эгидой России произошло складывание болгаро-сербско-черногорской коалиции. Британия в отличие от России преследовала сугубо практические цели, поэтому Лондон содействовал присоединению к этой региональной группировке еще и Греции. Весной 1911 г. балканские государства вступили между собой в переговоры с целью создания союза, направленного против Турции. Осенью сербо-болгарские переговоры возобновились и осуществлялись при активном участии России⁸. Длительная предварительная работа, которую тормозили серьезные противоречия между участниками переговоров, наконец увенчалась успехом.

26 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор, дополненный 25 мая того же года военной конвенцией. 11 июня подписанием договора завершились и греко-болгарские переговоры. Балканский союз был окончательно оформлен, когда в сентябре 1912 г. к нему присоединилась Черногория. Несмотря на то, что факт заключения Балканского союза сохранялся в тайне, Англия и Франция не только были в курсе происходившего, но и содействовали подключению к сербо-болгарскому соглашению Греции и Черногории⁹.

В отличие от балканских государств Россия рассматривала балканский блок как орудие борьбы не столько против Турции, сколько против Австро-Венгрии. Именно поэтому российский посол в Париже А.П. Извольский стремился к тому, чтобы к Балканскому союзу присоединилась Турция, но попытка российской дипломатии решить таким образом проблему Черноморских проливов окончилась неудачей¹⁰.

Поднимать раньше времени этот болезненный для нее вопрос Россия не хотела, однако он мог возникнуть и вопреки ее желанию. Даже временное закрытие Турцией Босфора и Дарданелл в ответ на направленные против нее враждебные действия грозило России большими неприятностями, прежде всего огромными экономическими убытками. Кроме того, царское правительство боялось, как бы конфликт на Балканах не привел к общеевропейскому столкновению, к которому Россия была еще не готова. Согласно планам по реорганизации вооруженных сил, русская армия должна была быть готова к большой европейской войне только в 1916 г. Поэтому российская дипломатия избегала всего, что могло привести к обострению международной обстановки.

25 сентября 1912 г. Извольский сообщил в Петербург: «Английское правительство категорически заявило здесь, что Англия ни в коем случае не согласится произвести какое-либо давление на Турцию: только в силу настойчивости России английское правительство согласилось дать Турции дружественный совет по урегулированию конфликта мирным способом и направило своему послу в Константинополе соответствующую инструкцию»¹¹.

Франция, в свою очередь, тоже опасалась, что балканские события могут втянуть ее в войну, но еще больше ее беспокоили убытки, которые мог понести французский капитал на Балканском полуострове. 22 сентября 1912 г. премьер-министр Франции Р. Пуанкаре выдвинул проект сохранения мира на Балканах. В первой статье этого проекта говорилось, что великие державы в кратчайший срок выступят одновременно перед кабинетами в Софии, Белграде, Афинах и Цетинье с советом не предпринимать ничего, что может нарушить мир или затронуть статус-кво на Балканском полуострове.

⁷ Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.

⁸ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове (август 1912 – июль 1913) СПб, 1914, *Гешов И.Е.* Указ. соч.; *Маджаров М.* Дипломатическа подготовка на нашите войни. Спомени, частни писма, шифровани телеграми и поверителни доклади. София, 1932.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 4140, л. 87.

¹⁰ *Туполев Б.М.* Происхождение первой мировой войны. – Новая и новейшая история, 2002, № 5, с. 38.

¹¹ Международные отношения эпохи империализма (далее – МОЭИ), сер. 2, т. 20, ч. 2, № 726, с. 236–237.

В соответствии со второй статьёй (если эти советы не будут услышаны) державы должны были объединить свои усилия, чтобы положить конец конфликту, и заявить нарушившим мир государствам, «что они не могут рассчитывать в случае победы на территориальные приращения»¹².

В статье третьей указывалось, что если понадобится принять более энергичные меры, такие, как, например, военная или морская демонстрация, то державы могут осуществить их, лишь договорившись между собой.

Наконец, в четвертой статье подчеркивалось, что одновременно с выступлением великих держав, о котором говорилось в первой статье, державы рекомендуют Порте без замедления провести административные реформы в европейской Турции¹³.

Отношение Англии к этому проекту излагалось в телеграмме министра иностранных дел России С.Д. Сазонова из Лондона от 25 сентября 1912 г. временно управляющему министерством А.А. Нератову. «Из моих объяснений с Греем, – писал Сазонов, – выяснилось, что английское правительство склонно принять первый и второй пункты предложений Пуанкаре, но затрудняется согласиться с третьим»¹⁴. Касательно четвертого пункта Э. Грей полагал, что упоминаемый в нем шаг уже был сделан, когда державы в Константинополе поставили перед Турцией вопрос о реформах: «Отказ Англии дать согласие на третий пункт проекта Пуанкаре объясняется тем, что это согласие, как пишет сам Сазонов, вперед устраняет возможность активного вмешательства великих держав в балканскую смуту»¹⁵.

В ходе обсуждения методов посредничества между Турцией и балканскими государствами, как всегда, проявились серьезные расхождения между империалистическими державами. Германия настаивала на совместных действиях Австро-Венгрии и России как в Константинополе, так и в балканских столицах. Австрийское правительство, не возражая против этого, предпочитало коллективное выступление в Константинополе. Британская дипломатия предлагала державам действовать раздельно в Константинополе и коллективно – перед балканскими государствами¹⁶.

В конце концов, после долгих обсуждений Англия дала согласие на выступление пяти держав перед Портой и балканскими государствами в пользу проведения реформ в европейской Турции при неременном условии, что эти реформы никак не затронут территориальной целостности Османской империи¹⁷.

Первое представление от имени великих держав балканским государствам было сделано 21 октября 1912 г., в день объявления Черногорией войны Турции. Россия и Австро-Венгрия заявили балканским государствам, что державы осудят всякую меру, способную привести к нарушению мира, и возьмут в свои руки проведение реформ в европейской Турции при условии, что реформы не нанесут ущерба суверенитету султана. Балканские государства, говорилось в обращении, должны наконец понять, что, если война между ними и Турцией все-таки вспыхнет, державы не допустят никакого изменения территориального статус-кво в Европе. Через два дня, 23 октября, представители Австро-Венгрии, Англии, Франции, России и Германии потребовали от Турции проведения реформ в ее европейской части.

¹² Там же, № 733, с. 240. Предложение Пуанкаре, переданное в Лондоне С.Д. Сазонову французским послом П. Камбоном 22 сентября. См. также: Красный архив, т. 2, 1926, № 16, с. 24–25.

¹³ МОЭИ, сер. 2, т. 20, ч. 2, № 733, с. 240. Предложение Пуанкаре, переданное в Лондоне С.Д. Сазонову французским послом П. Камбоном 22 сентября.

¹⁴ Там же, № 771, с. 276.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Pribram A.F.* England and the International Policy of European Great Powers. Oxford, 1931, p. 140–142; *Edwards A.D.* Britain, Europe and the World 1848–1918. London, 1979, p. 267–268.

¹⁷ *British Documents on the Origins of the War 1898–1914.* Ed. by G.P. Gooch, H. Temperley (далее – BD), v. I–XI. London, 1926–1938, v. 9, part 2, № 22, p. 16–17. Sir H. Bax Ironside to Sir Edward Grey, 13 October 1912.

Не дожидаясь ответа балканских государств, Пуанкаре 24 октября предложил великим державам созвать конференцию послов для изучения вопроса о реформах. Однако Грей не согласился на созыв конференции, считая ее преждевременной. В ответе французскому послу он заявил: “Созыв предложенной конференции сейчас не окажет воздействия на вопрос о мире или войне, но после того как вспыхнет война, он может дать державам возможность прийти к какому-нибудь заключению относительно того, какое урегулирование должно быть достигнуто”¹⁸.

Между тем 26 октября балканские государства дали ответ на выступление России и Австро-Венгрии. Болгария, Сербия и Греция указали на то, что они предпочитают обратиться с просьбой о проведении реформ прямо к турецкому правительству¹⁹. На следующий день балканские союзники представили Порте ноту, в которой изложили требования относительно реформ в европейской Турции. Характерно, что они настаивали на проведении реформ под собственным контролем, через дипломатических представителей балканских стран в Турции.

Ответ Порты на коллективную ноту великих держав последовал 27 октября. Турецкое правительство признало необходимость проведения реформ, но заявило, что предполагает осуществить их без какого-либо постороннего вмешательства. Военные приготовления в Турции активизировались. Уже 14 октября 1912 г. там была объявлена всеобщая мобилизация. В стране проводились митинги и демонстрации, велась широкая кампания в прессе, требовавшая погасить партийные разногласия перед лицом общего врага. Произошли военные столкновения на турецко-сербской и турецко-черногорской границах. 31 октября 1912 г., в день окончания итало-турецкой войны и подписания в Лозанне мира между Турцией и Италией, Болгария, Сербия и Греция вслед за Черногорией ринулись в бой. Балканская война началась.

Великие державы заняли выжидательную позицию. Французское правительство предложило совместно обсудить последующие действия и непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть в результате конфликта. Британская дипломатия еще не отказалась от своего предложения о сближении России и Австро-Венгрии в балканских делах. По этому поводу российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф писал Сазонову 3 ноября: “Внимание (в Англии. – Ю.Л.) сосредоточено на австро-русских сношениях. Все более и более укрепляется мнение, что если бы между нами и Веной могло быть достигнуто достаточное согласие – о более активной роли наиболее заинтересованных держав, – это было бы встречено благожелательно и этому была бы оказана серьезная поддержка”²⁰.

Из сближения России с Австро-Венгрией британская дипломатия рассчитывала извлечь для себя определенные выгоды: создание преграды развертыванию германской экспансии на Восток, ослабление австро-германских связей и, наконец, уменьшение роли России на Балканах.

Воинственное настроение, охватившее государства Балканского союза, поставило великие державы в трудное положение: союз обнаруживал явное намерение овладеть теми частями турецкой территории, которые державы припасали для себя.

2 ноября российский посол в Константинополе М.Н. Гирс телеграфировал Сазонову, что министр иностранных дел Турции заявил ему, “что, кроме блокады болгарского побережья, ни в каком другом месте Черного моря не будут открыты военные действия. Правительство приложит старание о соблюдении торговых интересов России в вывозе из Черного моря через Проливы”²¹.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ МОЭИ, сер. 2, т. 20, ч. 2, № 1012, с. 441. Нота болгарского, греческого и сербского правительств посланникам России и Австро-Венгрии в Софии, Афинах и Белграде, 13 октября 1912 г.

²⁰ Константинополь и Проливы. По секретным документам бывшего императорского МИД, т. 1. М. – Л., 1925, с. 24; Материалы по истории франко-русских отношений. М., 1922, с. 289.

²¹ Константинополь и Проливы, с. 27.

Неожиданные и блестящие успехи балканских союзников опрокинули все первоначальные расчеты великих держав. 6 ноября 1912 г. сербы нанесли поражение туркам у Куманова, болгары – у Кирк-Килиса. 8 ноября сербская армия захватила Ускюб. В боях 11–16 ноября болгары разбили турок у Люле-Бургаса и заставили их отойти к линии Чаталджинских укреплений, защищающих подступы к Константинополю. Европейские державы окончательно убедились в невозможности сохранения территориального статуса-кво на Балканах. Успешное продвижение болгарской армии вызвало у русского правительства тревогу, ибо оно не хотело, чтобы контроль над Проливами перешел из рук ослабленной Турции в руки кого бы то ни было, кроме России. Сазонов писал Гирсу: “Приближающаяся с каждым днем возможность занятия Константинополя войсками союзников ставит безотлагательно вопрос о самых жизненных для нас интересах”²². России необходимо было в конкретной форме обеспечить свои интересы в случае, если болгары окажутся в Константинополе.

Сазонову представлялось весьма желательным “сделать шаг вперед в смысле признания за нами привилегированного положения на Проливах, что создало бы для России уже признанную сферу специальных интересов. Этому отвечало бы признание Портою и Державами особых наших прав для прохода русских военных судов через Проливы в мирное время”²³.

Тем временем балканская армия стремительно продвигалась к Константинополю. 6 ноября турки потерпели очередное поражение под Чорлу и остановились на Чаталджинской линии, в 45 км от столицы Османской империи. В случае захвата болгарами Константинополя и анархии в городе Сазонов считал необходимым присутствие там российской воинской части, что “создало бы для нас реальный залог того, что в решении вопроса о дальнейшей судьбе турецкой столицы и Проливов за Россией останется решающий голос”²⁴.

Учитывая создавшуюся обстановку, Германия предложила Англии и Франции как державам, также заинтересованным в сохранении независимости Турции, совместно обсудить, какое удовлетворение можно было бы дать балканским государствам, не нарушая в принципе территориальной целостности Османской империи.

Грей телеграфировал своему послу в Берлине Э. Гошену: “Я разделяю взгляд германского правительства на необходимость держavam вообще, и Франции, Англии и Германии в частности, держаться в контакте”.

Французский посол в Лондоне Ж. Камбон был солидарен с Греем. “Что касается самого германского предложения, то мой английский коллега, – сообщал Камбон Пуанкаре 11 ноября, – продолжает относиться к нему благоприятно... Сэр Эд. Гошен не далек от мысли, что статс-секретарь (Грей. – *Ю.Л.*), которого он считает русофилом, полагает, что петербургское правительство не отвечает настроению русского народа и что следует предложить петербургскому правительству компромиссный выход, на котором сошлись бы державы, но который общественное мнение в России не приняло бы от своего собственного правительства”²⁵.

Одновременно с этим Пуанкаре считал, что воюющие державы должны принять следующую формулировку в качестве основания для занимаемой ими позиции: “Признавая, что приближается момент возможного посредничества между воюющими сторонами на Балканском полуострове, и будучи озабочены прежде всего сохранением мира в Европе, державы заявляют, что они приступят к этой общей задаче в духе полной незаинтересованности”²⁶.

²² Там же, с. 28–29.

²³ АВПРИ, Политический архив, 1912, д. 3699, л. 96. Сазонов – Извольскому, 1 ноября 1912 г.

²⁴ АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 459/478, л. 22. Сазонов – Гирсу, 18 октября 1912 г. См. также: Константинополь и Проливы, с. 28.

²⁵ Константинополь и Проливы, с. 25.

²⁶ Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове, № 37, с. 25.

Британская дипломатия согласилась с предложением Пуанкаре²⁷, однако это отнюдь не означало, что английское правительство готово принять обязательства о незаинтересованности в балканских делах и действовать так, чтобы мир там был восстановлен как можно скорее. Лондон исходил из того, что формула о незаинтересованности является абсолютно неприемлемой для Австро-Венгрии и непременно будет отвергнута Веней. Соглашаясь с предложением Пуанкаре, Грей на самом деле стремился, во-первых, не раздражать Россию, которая под давлением болгарских побед решительно настаивала на посредничестве, рассчитывая, что, используя формулу незаинтересованности, можно будет преградить Австро-Венгрии продвижение в регионе, а во-вторых, чтобы изобразить перед Европой не заинтересованную в балканских делах сторону.

31 октября австро-венгерский министр иностранных дел Л. Берхтольд заявил французскому послу в Вене, что, «как человек чести, при нынешних обстоятельствах он не может принять на себя обязательство подписывать такой документ»²⁸. Австрия, Германия и Италия отвергли предложение Пуанкаре, указав, что неудобно навязывать воюющим сторонам посредничество, к которому можно приступить только тогда, когда одна из них сама обратится с просьбой об этом. Таким образом, предложения Пуанкаре не достигли результата.

2 ноября Пуанкаре телеграфировал временному заместителю П. Камбона в Лондон: «Я так же, как сэр Эд. Грей, очень озабочен по поводу истинных намерений венского кабинета. По-моему, английскому правительству, как и нам, необходимо было бы заявить, что мы воспротивимся всякому территориальному увеличению какой-либо великой державы... Всякое территориальное увеличение нарушило бы общее равновесие»²⁹.

Позиции Англии в балканском конфликте российские дипломаты придавали особое значение. Еще 3 ноября российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф сообщил Сазонову о происходящей с Греем перемене, «отражающей пока еще, впрочем, лишь в частных разговорах». Хотя русская патриотическая пресса нападала на Грея за его политику обструкции в отношении России, он заверил Бенкендорфа, что никакие трудности в Османской империи и даже опасение раздражить мусульманский мир не повлияют на его политику и он желает лишь взамен на «жертвы» в Турции уступок в Персии.

Посол Великобритании в Турции А. Никольсон предложил России сначала договориться с Австрией, иначе говоря, изолироваться от своих французских и английских друзей. На это Сазонов в тот же день ответил, что «общее выступление только России и Австрии, даже если бы оно произведено было от имени всех других держав, ни в коем случае не может состояться», так как «мы рассчитываем на возможность более тесного сотрудничества с Францией, Англией и Италией»³⁰.

Военный агент России генерал-лейтенант Н.С. Ермолов доносил из Лондона, что подавляющее большинство английских газет отдают свои симпатии победоносным балканским славянам. По мнению генерала, это вызвано блестящими военными успехами союзников, а также уверенностью в том, что поражение турок не опасно для Англии в смысле возможных волнений мусульман в Индии.

В связи с занятием греками Эгейских островов Грей доверительно поделился с Бенкендорфом своими соображениями по вопросу о Проливах. «Греция может сохранить эти острова, – излагал Бенкендорф его точку зрения Извольскому в донесении от 4 ноября 1912 г., – только на определенных условиях; общий интерес заключается в том, чтобы второстепенная держава не могла по своему произволу закрывать Проливы; он (Грей. – Ю.Л.) признает, конечно, преобладающее значение русских интересов и с этой точки зрения готов принять участие в обсуждении этого вопроса»³¹.

²⁷ BD, v. 9, part 2, № 81, p. 68. Sir Edward Grey to Sir F. Bertie, 30 october 1912.

²⁸ Ibid., № 83, p. 70, Sir F. Cartwright to Sir Edward Grey, 1 november 1912.

²⁹ Ibid., № 110, p. 87. Sir G. Lowther to Sir Edward Grey, 3–4 november 1912.

³⁰ Graves P.P. The Question of the Straits. London, 1931, p. 142.

³¹ Цит. по: Материалы по истории франко-русских отношений, с. 492.

Англия и Франция в известной мере были заинтересованы в неприкосновенности Константинополя и Проливов.

Ермолов 7 ноября доносил из Лондона, что военные круги Англии пришли к заключению, что существует только одно решение Восточного вопроса, состоящее в следующем: Россия получает Константинополь, Австро-Венгрия – Салоники и полосу отчуждения в долине Вардара, а все остальные земли европейской Турции распределяются между балканскими государствами в зависимости от исторических и племенных стремлений.

Через месяц британская дипломатия предложила следующий выход на тот случай, если Болгария захватит Константинополь³². Вместо морской демонстрации в Проливах, проведением которой угрожала Россия, Грей выступил за их нейтрализацию и превращение Константинополя в свободный порт под международным контролем, взяв за образец статус Танжера³³. Однако в Лондоне понимали, что осуществление плана нейтрализации Константинополя и зоны Проливов в данный момент может вызвать международный кризис наподобие Марроканского кризиса 1911 г., предшествовавшего итало-турецкой войне. Грей также учитывал позицию России, которая решительно протестовала против плана нейтрализации. Царский посол в Лондоне прямо указал на главную причину несогласия России – ее особую заинтересованность в Проливах. Грей пошел на попятную, заявив, что идея нейтрализации припасена им на тот случай, если для турок будет совершенно невозможно сохранить свою столицу³⁴.

Узнав о предложении Грея, сильно встревожилась Франция. По сообщению Извольского, Пуанкаре даже допускал возможность “серьезного разногласия между нами и Англией, особенно опасного накануне серьезной дипломатической борьбы против балканской политики Тройственного союза”³⁵.

В то же время, зная, что Австро-Венгрия непременно выступит против Сербии, если последняя попытается прорваться к Адриатике, а Россия обязательно придет сербам на помощь, в Лондоне опасались, что австро-сербский конфликт может перерасти в большую войну.

“Малая” война между тем продолжалась. Болгарская армия, встретив серьезное сопротивление турецких войск, остановилась у линии Чаталджи, не сумев овладеть ею. План Кидерлена–Вехтера – в последний момент пустить русских в Константинополь в обмен на их отказ от дальнейшей поддержки южных славян – провалился³⁶.

25 ноября 1912 г. состоялось заседание британского военного совета для обсуждения вопроса о назначении высших офицеров британской армии на руководящие посты в предстоящей войне. В прессе стали раздаваться голоса, подготавливавшие общественное мнение к возможности вмешательства Англии на стороне России и Франции в пользу балканских государств. Французский посол в Лондоне Камбон сообщил Бенкендорфу, что британский флот совершенно готов и полностью мобилизован. Показателен и тот факт, что как раз в то время Франция стала всячески побуждать Россию выступить в защиту Сербии и обещала ей свою вооруженную поддержку.

2 декабря 1912 г. сербские войска достигли Алесию на Адриатическом побережье. Россия была заинтересована в выходе Сербии к Адриатике, но боялась вмешательства

³² *Crapton R.J.* The Balkans 1909–1914. British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977, p.260.

³³ Материалы по истории франко-русских отношений, с. 294; *Тэйлор А.* Борьба за господство в Европе. М., 1958, с. 496.

³⁴ Материалы по истории франко-русских отношений, с. 294. См. также: *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985, с. 169–170.

³⁵ Материалы по истории франко-русских отношений, с. 295. Секретное письмо Извольского Сазонову, 24 октября 1912 г.

³⁶ Подробнее см.: *Хальсгартен Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961, с. 569; *Аветян А.С.* Указ. соч., с. 174.

Австро-Венгрии в балканскую войну и тем более не хотела идти на столкновение с державами Тройственного союза. В тот же день Бенкендорф задал Грею вопрос, что будет делать Англия, если Россия окажется втянутой в войну с Центральными державами³⁷. Грей выдвинул два возможных условия вступления Британии в войну: 1) если в результате спровоцированного противником выступления Франции война станет всеобщей; 2) если ответственность за агрессию со всей очевидностью ляжет на врагов³⁸. При этом он, как всегда, сделал оговорку: очень многое будет зависеть от позиции других держав. “Мы очень хотим идти с ней (Россией. – Ю.Л.) так далеко, как только это возможно, – писал Никольсон Бьюкенену 19 ноября 1912 г., – но я боюсь, что мы едва ли будем в состоянии следовать за ней до того крайнего предела, до которого она, кажется, склонна довести дело”³⁹. Британия стремилась предотвратить разногласия между Россией и Австро-Венгрией и удержать их в европейском “концерте”. Первое требование Лондона состояло в том, чтобы ни одна держава не искала для себя каких-либо преимуществ, территориальных или дипломатических, при урегулировании балканского вопроса⁴⁰.

Французское правительство занимало более определенную позицию. “Вполне ясно, что Франция отдает себе отчет в том, – писал Извольский Сазонову 2 декабря 1912 г., – что те или другие события, например, разгром Болгарии Турцией или нападение Австрии на Сербию, могут заставить Россию выйти из пассивного положения и прибегнуть сперва к дипломатическому выступлению, а затем и к военным действиям против Турции или Австрии. Согласно полученным нами от французского правительства заявлениям, в таком случае нам обеспечена со стороны Франции самая искренняя и энергичная дипломатическая поддержка. Но в этом фазисе событий правительство Республики не было бы в состоянии получить от парламента или общественного мнения санкции на какие-либо активные военные меры. Но, если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за *casus foederis*⁴¹ и ни минуты не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства”⁴².

Франция была готова активно вмешаться в ход событий на Балканах. Выступление Австро-Венгрии против Сербии, писал Извольский 12 сентября Сазонову, могло бы, по мнению Парижа, “вызвать отпор со стороны России, а это, в свою очередь, автоматически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решительностью исполнит свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе проведена; материальная часть в полной готовности”⁴³.

После таких заверений во Франции ожидали, что Россия немедленно вступит в войну. Но Петербург не производил военных приготовлений против Австро-Венгрии. Россия выжидала и определяла свою позицию, ориентируясь на Англию. Сильно встревоженный Бенкендорф сообщал в Петербург, что “английское общественное мнение в последнее время отдает должное миролюбию Австро-Венгрии и возмущается настойчивостью Сербии”⁴⁴. Грей, чтобы рассеять тревогу российского посла, объяснил ему, что “дело идет вовсе не об установлении нейтралитета Англии в случае войны, а о том, что Англия сохраняет свободу действий и выбора, сообразно обстоятельствам”⁴⁵.

³⁷ Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. Указ. соч., с. 126.

³⁸ Константинополь и Проливы, с. 38.

³⁹ BD, v. 9, part 2, № 238, p. 197. Sir A. Nicolson to Sir G. Buchanan, 19 november 1912.

⁴⁰ *Crapton R.J.* Op. cit., p. 261.

⁴¹ *Casus foederis* – юридический термин для обозначения ситуации, требующей приступить к выполнению обязательств государства об оказании взаимной помощи по союзному договору.

⁴² Материалы по истории франко-русских отношений, с. 275.

⁴³ Там же, с. 311.

⁴⁴ Константинополь и Проливы, с. 40.

⁴⁵ Там же.

В своих воспоминаниях Грей писал: “Если бы случилось, что Россия потребовала бы поддержать Сербию, европейская война стала бы неизбежной”⁴⁶.

Бездействие России перед фактом мобилизации австро-венгерской армии тревожило Францию. Военный агент в Париже А.А. Игнатъев объяснял обеспокоенность во Франции тем, что Австро-Венгрия успеет расправиться с Сербией и перебросит свою армию против России, а это даст Германии возможность направить свои главные силы против Франции⁴⁷.

Российское правительство также отрицательно отнеслось к исходившему от Вены предложению разделить сферы интересов на Балканах между Россией и Дунайской монархией. “Россия должна была бы объявить себя не заинтересованной в отношении западной части Балканского полуострова, – писал Сазонов, – тогда как Австрия предоставила бы нам полную свободу действий в Константинополе”. В предложении Вены таилась серьезная опасность. Изменения в режим Проливов могли быть внесены лишь по окончании войны, а с другой стороны, Россия не могла согласиться на компенсации, так как это нанесло бы ущерб интересам балканских государств. “Мы соблюдали до сих пор выжидательную тактику, не упуская, однако, благоприятного момента для заявления наших пожеланий”, – писал Сазонов⁴⁸.

3 декабря Турция заключила перемирие с Сербией, Болгарией и Черногорией. Греция отказалась принять перемирие, потребовав от союзников, чтобы они договорились о разделе завоеванных территорий Османской империи либо в случае невозможности прийти к соглашению с Болгарией передали вопрос на арбитраж стран Тройственного соглашения.

Лондон внимательно следил за разворачиванием событий на Балканах. Британия привела свою армию в боевую готовность, планируя выступить на стороне союзниц (Франции и России) в случае, если Австро-Венгрия нападет на Сербию, а ее поддержит Германия⁴⁹. 18 декабря 1912 г. Извольский писал Сазонову: “Между французским и английским генеральными штабами не только не прекратилось обсуждение всех могущих возникнуть случайностей, но существующие военные и морские соглашения в самое последнее время получили еще большее развитие, так что, в настоящую минуту, англо-французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франко-русская конвенция”⁵⁰.

“На днях во Францию под строжайшим секретом приезжал начальник английского генерального штаба генерал Вильсон, – сообщал также Извольский из Парижа, – по этому случаю были выработаны различные дополнительные подробности, причем, по-видимому, в первый раз в этой работе принимали участие не только военные, но и другие представители французского правительства. В общем, здесь все еще находятся в фактическом неведении относительно тех или других решений, которые будут приняты Англией в случае общей войны, но скорее склонны думать, что неотразимый ход событий приведет английское правительство к вооруженному вмешательству против Германии. На этот случай имеются в полной готовности все надлежащие уговоры технического характера”⁵¹.

Россия была не готова к европейской войне. “Развитие событий на международной арене в ноябре – декабре 1912 г., – пишет А.С. Аветян, – шло в двух направлениях: с одной стороны, дипломатические переговоры и поиски путей к разрешению возникших

⁴⁶ *Grey of Fallodon. Twenty Five Years (1892-1916)*. London, 1935, p. 94; *Langhorne R. The Collapse of the Concert of Europe. International Politics 1890-1914*. London, 1981, p. 105.

⁴⁷ Материалы по истории франко-русских отношений, с. 311.

⁴⁸ Константинополь и Проливы, с. 49.

⁴⁹ *Grey of Fallodon*. Op. cit., p. 98, 74.

⁵⁰ Константинополь и Проливы, с. 41.

⁵¹ Материалы по истории франко-русских отношений, с. 311-313.

в связи с войной проблем, с другой – нагнетание напряженности путем раскручивания маховика военно-мобилизационных мер”⁵².

Под давлением Австро-Венгрии и Германии Сербии пришлось уступить в отношении порта на Адриатическом побережье. Противостояние Австро-Венгрии и Германии, с одной стороны, и России и Сербии – с другой, заставило великие державы рассмотреть вопросы, связанные с мирным урегулированием, на конференции послов великих держав. По просьбе Сазонова руководство Лондонской конференцией послов взял на себя Грей.

Конференция проходила в атмосфере глубоких противоречий между великими державами. Весьма выразительную характеристику этих противоречий дала большевистская газета “Правда”: “Трудно было столкнуться представителю Англии, которая ревниво охраняла свое монопольное влияние в южной Азии, с представителем Германии, которая протягивает к границам англоазиатских владений могучие шупальца в виде багдадской железной дороги. Нелегко было стовориться и России с Австро-Венгрией, ибо их аппетиты разгорались вокруг одного и того же балканского пирога”⁵³.

Германия заявила, что будет ориентироваться на политику Австро-Венгрии и Италии и защищать свои интересы, если подвергнется нападению третьей стороны; кроме того, она останется верна своему союзу и готова поднять оружие за сохранение своего значения в Европе. Этим заявлением Берлин рассчитывал запугать Россию и Францию. Вместе с тем Англии Берлин не угрожал, стремясь оторвать ее от Тройственного согласия.

Правильно оценив дипломатический ход Германии, Лондон сделал ей грозное предупреждение. “Если Германии и нам удастся сохранить мир, – заявил Грей германскому послу в Лондоне, – это приведет к самым лучшим результатам; но если нам это не удастся, никто не может сказать, где мы окажемся”⁵⁴. В Германии шансы на успех в европейской войне расценивались тогда пессимистически. По свидетельству российского посла в Берлине С.Н. Свербеева, там “хотели мира во что бы то ни стало, а в то же время принимали меры к усилению армии”⁵⁵.

13 февраля военный агент России в Австро-Венгрии полковник М.И. Занкевич сообщил в отдел генерал-квартирмейстера Главного управления генерального штаба, что Лондонская конференция приступает к рассмотрению кардинального вопроса балканского кризиса – определению границ автономной Албании. Занкевич предупредил российское правительство, что на каждую уступку Австро-Венгрия будет отвечать новыми требованиями; вслед за вопросом о границах Албании будет поднят вопрос о Ново-Пазарском санджаке, об ограничении вооруженных сил Сербии. Военному агенту представлялось, что “политика уступок фатально повлечет нас (Россию. – Ю.Л.) в войну с Австро-Венгрией; твердое же отстаивание наших интересов на Балканах обещает нам дипломатическую победу над Габсбургской монархией, но не исключает возможного столкновения, не страшного для нас, но крайне рискованного для нашего врага”⁵⁶. Однако российская дипломатия подходила к этому вопросу иначе. Неготовая к общеввропейской войне ради приобретения Сербией порта на Адриатике, Россия вынудила Белград отказаться от своих притязаний.

Острую борьбу на конференции вызвал вопрос об Эгейских островах. Занимая важное стратегическое положение на пути к Дарданеллам, эти острова привлекали к себе особое внимание европейских держав. Царская дипломатия, опираясь на точку зрения морского министерства, считала необходимым сохранение в руках Турции прилегающих к Дарданеллам островов Эгейского моря – Имроза, Лемноса, Тендоса

⁵² Аветян А.С. Указ. соч., с. 187.

⁵³ Правда, 17 (30).I.1913.

⁵⁴ ВД, v. 9, part 2, № 327, p. 243. Sir E.Grey to Sir E.Goschen, 4 december 1912.

⁵⁵ Материалы по истории франко-русских отношений, с. 328–329.

⁵⁶ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7322, л. 133. Начальник Киевского военного округа – начальнику Генерального штаба, 13 февраля 1913 г.

и Самотраки. Она исходила из расчетов, что следует избегать всего, что могло бы послужить препятствием для русских планов, направленных на овладение Проливами. Вот почему на конференции послов Бенкендорф предложил передать Греции все острова, кроме указанных четырех, близких к Дарданеллам, которые должны были быть возвращены Турции.

Однако некоторое время спустя Россия изменила свою позицию. 25 января 1913 г. Бенкендорф предложил, чтобы эти четыре острова под особой гарантией перешли к Греции. Очевидно, российская дипломатия пошла на это, учитывая британские требования, ибо второе предложение Бенкендорфа больше соответствовало английским планам в отношении Эгейских островов⁵⁷. 11 февраля 1913 г. союзники по инициативе Болгарии, которая надеялась на быстрое падение Адрианополя, прервали мирные переговоры с Турцией. На следующий день Турция предложила Болгарии разделить Адрианополь на две части по реке Марице. Но София отказалась, и 3 февраля 1913 г. военные действия возобновились.

26 мая 1913 г. Грей пригласил в свою резиденцию в Лондоне поочередно все делегации воюющих стран и заявил им в категорической форме, что великие державы вновь настаивают на подписании мирного договора в таком виде, в каком он существует⁵⁸. Согласно ему, Турция теряла все свои европейские владения, за исключением Константинополя и небольшой территории к западу от него до линии Энез – Мидье, уступала союзникам остров Крит и отказывалась от прав на владение другими островами Эгейского моря. Вопросы о границах и внутреннем устройстве Албании и об участии Эгейских островов передавались на рассмотрение великих держав.

В Лондонском договоре ни слова не говорилось о том, как союзники разделят плоды своих побед. Территориальная проблема не была окончательно решена в сербско-болгарском и болгаро-греческом договорах.

“Немцы всегда говорили Берхтольду (министру иностранных дел Австро-Венгрии. – Ю.Л.), что ему следует подождать, – отмечал британский историк А. Тэйлор, – пока Сербия и Болгария не поссорятся; он со своей стороны всегда настойчиво утверждал, что не допустит нового расширения Сербии”⁵⁹. 5 августа 1913 г. германское правительство высказало предположение, что Турция могла бы уступить Адрианополь, если бы державы предоставили ей некоторые преимущества: 1) граница устанавливается западнее линии Энез – Мидье; 2) Турция освобождается от всякого возмещения долгов; 3) таможенные пошлины увеличиваются на 4 %; 4) в Адрианополе будет религиозный турецкий представитель; 5) пересматривается режим капитуляций; 6) Турция получает гарантию на те острова, которые Италия обязалась вернуть ей согласно Лондонскому договору⁶⁰.

Британское правительство, естественно, не могло согласиться с рядом положений, которые самым серьезным образом затрагивали его интересы в Турции, таких, например, как режим капитуляций, вопрос об Эгейских островах и таможенных пошлинах, без какой-либо компенсации. Поэтому Грей заявил германскому послу в Лондоне, что эти условия могут послужить лишь хорошей базой для переговоров с Турцией. Тем не менее руководитель Форин офис полагал, что будет трудно принудить Турцию отступить в вопросе об Адрианополе, пока балканские страны находятся в состоянии войны. Поэтому, заключил Грей, наилучшее время для обсуждения этого вопроса наступит после того, как державы переработают условия, выдвинутые балканскими государствами⁶¹.

⁵⁷ BD, v. 9, part 2, № 251, p. 352.

⁵⁸ *Grey of Fallodon*. Op.cit., p. 105.

⁵⁹ Тэйлор А. Указ. соч., с. 500.

⁶⁰ BD, v. 9, part 2, № 1203, p. 956–957.

⁶¹ *Mowat R.W.* The Concert of Europe. London, 1930 p. 321–323; *Kennedy A.L.* The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1866–1914. London, 1922, p. 200.

Узнав о решимости турецкого правительства ни при каких обстоятельствах не уступить Адрианополь, Германия отказалась от своего предложения.

Перед державами по-прежнему стоял вопрос о мерах, способных принудить Турцию соблюдать условия Лондонского мирного договора. 20 августа 1913 г. великие державы произвели коллективный демарш в Константинополе, требуя от Турции уважения Лондонского договора. Османская империя выразила намерение сохранить Адрианополь за собой.

Между тем в ходе второй Балканской войны Болгария потерпела поражение, не получив поддержки Австро-Венгрии из-за отрицательного отношения к этому Германии и Италии. Окруженная со всех сторон, Болгария была вынуждена запросить мира.

12 августа 1913 г. в Бухаресте открылись мирные переговоры. Конференция в румынской столице стала объектом острой борьбы между великими державами за привлечение в свой лагерь балканских стран. Россия пыталась использовать разочарование Болгарии в позиции Австро-Венгрии и активно выступала за уменьшение территориальных потерь Болгарии. Германская дипломатия неожиданно выдвинула предложение вознаградить турок смягчением режима капитуляций, если только они согласятся отказаться от Адрианополя. Сазонов, отказываясь от всяких уступок Стамбулу, продолжал требовать Адрианополь для Болгарии, но так как Турция отвечала на это категорическим отказом, такая позиция России болгарам ничего не давала.

Столь же безуспешными оказались выступления Сазонова в поддержку Болгарии и при решении вопроса о македонском порте Кавала. Россия и Австро-Венгрия, стремясь завоевать симпатии Софии, предложили отдать Кавалу Болгарии. Франция и Германия выступали за то, чтобы порт достался Греции. Британия, обладавшая сильными позициями в Греции, поддержала Францию. В конце концов вопрос о Кавале был решен в пользу Греции.

“Лондонский кабинет оставался нейтральным в этом вопросе, – впоследствии писал Сазонов, – а русское правительство, хотя и не изменило своего мнения, не сочло нужным выяснять этот вопрос, затягивать переговоры и отсрочивать заключение желанного мира”⁶². В российской печати того времени отмечалось: “Россия потеряла свой престиж на Балканском полуострове и в особенности в Болгарии – вот одно из наименьших последствий двух последних войн на Балканском полуострове”⁶³.

Мирный договор между Болгарией, с одной стороны, и Грецией, Черногорией, Румынией и Сербией – с другой, был подписан в Бухаресте 23 августа 1913 г. Болгария потеряла в пользу Сербии и Греции значительную часть завоеванных у Турции земель, а также часть своей исконной территории – Южную Добруджу, которая отошла к Румынии. 12 октября 1913 г. Болгария и Турция подписали Константинопольский мирный договор. В соответствии с ним Болгария утратила Восточную Фракию.

После Бухарестского мира Сербия владела территорией в 32 тыс. кв. км (сюда вошли значительная часть Косовского вилайета, часть Монастырского и Салоникского вилайетов) с населением в 1 млн. 100 тыс. человек. Большую выгоду из договора извлекла Греция, которая получила часть Эгейских островов. За ней закрепились Крит, Эпир, часть Южной Македонии, Салоники с хинтерлендом, область Сереса, Драмы и Кавалы.

К началу Первой мировой войны соотношение балканских государств было следующим: первое место занимала Румыния – 138 тыс. кв. км общей территории, 6 млн. 626 тыс. жителей., второе – Болгария с территорией равной Румынии, но 4 млн. 600 тыс. жителей. Третье место принадлежало Греции – 110 тыс. кв. км с населением свыше 4 млн., затем шла Сербия с территорией 80 тыс. кв. км и 3 млн. 600 тыс. жителей; последней была Черногория с общей площадью 16 тыс. кв. км и 480 тыс. жителей. На Западе Балканского полуострова по воле европейских держав было образовано независимое государство Албания с территорией 10 тыс. кв. км и 1 млн. человек.

⁶² Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991, с. 120.

⁶³ Водовозов В. Балканская война и Россия. – Современный мир, 1913, № 11, с. 265.

Бухарестский мир создал совершенно новое положение на Балканах. Карта полуострова была перекроена таким образом, что интересы болгар, сербов и греков сталкивались теперь гораздо чаще, чем это было до образования балканского союза. Измененные границы Турции и Албании значительно нарушали равновесие сил, которое должно было предоставить все преимущество Сербии и Греции, под влиянием “византийской мечты” смотревшей на Константинополь как на исходный пункт своего расширения на Балканах.

Новый миропорядок на Балканах окончательно уничтожил принцип “Балканы для Балканских государств” и не гарантировал того, что последующие здесь столкновения вновь поддадутся системе локализации.

“Дальнейшая ориентировка международной политики, находящаяся в связи с последними событиями на Балканах, может быть чревата большими неожиданностями”, – писал “Вестник Европы”⁶⁴. Дело в том, что разгром Болгарии вынуждал ее восстанавливать свое влияние на Балканах ценой любых дипломатических комбинаций, лишь бы эти комбинации привели к конкретным результатам. Сербия оказалась во враждебном кольце – между Боснией, Албанией и Болгарией, к которым теперь примыкали ее расширенные границы.

Бухарестский мирный договор не положил конец ни борьбе между балканскими государствами за приобретение новых территорий, ни соперничеству между европейскими державами за сферы влияния на Балканах и Ближнем Востоке. В ходе Балканских войн сталкивались интересы всех великих европейских держав, а их итоги не сулили прочного мира, причем не только на Балканах, но и во всей Европе.

Эти войны привели к еще большему обострению русско-австрийских противоречий и продемонстрировали активную поддержку Германией австрийской экспансии на Балканах. Вместе с тем они выявили и известную несогласованность позиций стран Тройственного соглашения. В случае общеевропейской войны Россия полностью полагалась на Францию, но считала союз с Британией “далеко не обеспеченным” и поэтому стремилась превратить Антанту в сплоченный военно-политический блок.

Балканские войны 1912–1913 гг. были прологом Первой мировой войны. При внимательном их изучении становится ясна логика событий, связанных с июльским кризисом 1914 г. Понимание причин и обстоятельств балканских конфликтов, характера вмешательства в них “большой политики” европейских держав позволяет осознать многочисленные ошибки, допущенные европейской дипломатией в начале XX в., и, возможно, избежать их в настоящем и будущем.

⁶⁴ Вестник Европы, октябрь 1913, с. 450.